

А.М. Литовченко

ЦЭАиП Центра стратегических разработок, Москва

О.С. Чудиновских

Лаборатория экономики народонаселения и демографии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

О влиянии наличия гражданства принимающей страны на некоторые социально-экономические характеристики мигрантов и их положение на рынке труда

Аннотация. В статье рассматривается возможное влияние наличия у мигрантов гражданства принимающей страны на их социально-экономические характеристики и положение на рынке труда. Разные аспекты темы экономики гражданства являются чрезвычайно актуальными, они нашли широкое освещение в зарубежной литературе. В отечественной практике эта тема остается слабо разработанной из-за дефицита данных, необходимых для проведения подобных исследований. Сравнительный анализ характеристик мигрантов (как правило, трудовых) и местного населения часто встречается в публикациях российских ученых, но практически никогда не исследовался вопрос, чем отличаются экономические характеристики мигрантов, уже ставших российскими гражданами, от характеристик мигрантов-иностранцев. В 2019 г. впервые в рамках модульного обследования, проведенного Росстатом на базе обследования рабочей силы (ОРС), была собрана информация о миграционном статусе респондентов: стране рождения и продолжительности проживания в России. Сочетание этих переменных с данными о гражданстве дало возможность выделить три группы респондентов: мигрантов, имеющих гражданство России; мигрантов-иностранцев и немигрантов (лиц, родившихся в России после 1992 г. или проживавших на ее территории до 1992 г.). Работа с микроданными на уровне описательной статистики показала, что мигранты-иностранцы значительно отличаются от других групп респондентов по ряду характеристик. В среднем они моложе, хуже образованы, обладают более высоким уровнем участия в рабочей силе и чаще работают в трудозатратных отраслях экономики, не требующих высокой квалификации. Минимальные различия между немигрантами и мигрантами, имеющими гражданство РФ, могут быть связаны с большой долей мигрантов, давно переехавших в Россию и являющихся ее гражданами. Существенные недостатки анкеты обследования в сочетании с очень малой представленностью в выборке иностранцев (не соответствующей их доле в населении России) ограничили аналитический потенциал информации. Выявление методологических проблем ОРС в отношении сбора информации о миграции и выработка рекомендаций в адрес Росстата стали самостоятельной задачей исследования. Основной вывод статьи сводится к тому, что в России по-прежнему потенциал ОРС не используется для полноценного изучения международной миграции. Включение миграционного модуля в неизменном виде в основную анкету Обследования рабочей силы 2021 г. может сделать проблему отсутствия данных для анализа трудовой миграции хронической.

Ключевые слова: миграция, натурализация, приобретение гражданства, интеграция, обследование рабочей силы.

Классификация JEL: J15, O15, F22, K37.

Цитирование: Литовченко А.М., Чудиновских О.С. (2022). О влиянии наличия гражданства принимающей страны на некоторые социально-экономические характеристики мигрантов и их положение на рынке труда // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (53). С. 143–162. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-7

Введение

Тема приобретения гражданства стала одной из важнейших при изучении факторов и последствий международной миграции. Получение граждан-

ства принимающей страны является основной целью большинства мигрантов. В зависимости от подхода, принятого государством в отношении мигрантов, право на получение гражданства может рассматриваться как признание их интеграции (в первую очередь – социальной) в принимающее общество либо как ее предпосылка (Ersanilli, Koormans, 2010). Натурализация имеет многообразные последствия для самих мигрантов и для их новой родины. С гражданством мигранты приобретают набор политических и экономических прав и возможностей, которые уравнивают мигрантов и их потомков с местным населением (Banulescu-Bogdan, 2012). Именно приобретение и реализация таких возможностей может рассматриваться в качестве основной цели миграции и ее завершающей фазы – натурализации.

Экономические аспекты приобретения гражданства не сводятся только к выгодам для самих мигрантов, а могут отражать и его предпосылки. В ряде случаев соискатели должны выполнить ряд экономических условий: например, наряду со знанием языка и культурных основ принимающей страны иметь средства для самообеспечения (Brochmann, Midtbøen, 2020). Прием в гражданство отдельных категорий мигрантов предполагает их прямые инвестиции или предпринимательскую деятельность в принимающей стране (Brown, 2020)¹. От потенциальных переселенцев может потребоваться уплата пошлины, размеры которой иногда существенны и становятся предметом общественной дискуссии.

Экономические выгоды, получаемые мигрантом после натурализации, связаны с тем, что исчезает ряд обстоятельств, приводящих к дифференциации уровня доходов граждан страны и иностранцев, а также ограничения в доступе к отдельным видам деятельности и занятиям, в доступе к общественным фондам. В этом смысле натурализация рассматривается как катализатор экономической интеграции мигрантов (Hainmueller, Hangartner, Ward, 2019). Для принимающей страны прием мигрантов в гражданство имеет положительные последствия, причем не только материальные². Приобретение гражданства непосредственно ассоциируется с интеграцией мигрантов, что способствует социальной стабильности, а более устойчивое положение натурализованных мигрантов на рынке труда положительно сказывается на объемах собранных налогов (Forrester, Nowrasteh, 2018).

Проведение исследований, направленных на сравнение характеристик мигрантов, получивших и еще не имеющих гражданства Российской Федерации, с аналогичными характеристиками местных жителей-немигрантов, до недавнего времени было затруднено из-за отсутствия в Российской Федерации адекватных для анализа данных. В 2019 г. в рамках Обследования рабочей силы Росстат провел второе³ (с 2014 г.) выборочное статистическое наблюдение использования труда мигрантов⁴. Несмотря на значительные ограничения собранных данных,

¹ Например, в Российской Федерации для получения гражданства индивидуальный предприниматель обязан непрерывно не менее 3 лет, предшествующих году обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации, осуществлять деятельность в разрешенных видах экономической деятельности, а сумма уплаченных налогов и страховых взносов должна составить не менее 1 млн руб.

² О положительных социальных последствиях натурализации см., например: (Hainmueller, Hangartner, Pietrantonio, 2017; Gathmann, Keller, Monscheuer, 2015; Anniste, Tammaru, 2014; Azzolini, Guetto, 2017).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111763).

⁴ См. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html

которые будут описаны ниже, обследование стало определенным шагом вперед в решении проблемы информации для проведения подобных исследований.

Изучение проблемы

В зарубежной литературе тема экономических последствий натурализации как для самих мигрантов, так и для принимающего общества нашла широкое освещение. Для этого использовался спектр статистических данных, основанных на административных источниках, материалы переписей и выборочных обследований, в том числе лонгитюдных (Reichel, 2010). Выборочные обследования, возможно, являются предпочтительным вариантом, поскольку содержат расширенный набор вопросов как о миграционном статусе, так и об экономических характеристиках респондентов. Сочетание переменных позволяет получить представление о разных проявлениях экономических эффектов натурализации.

В зарубежной практике одним из приоритетных направлений является изучение выгоды от получения мигрантами гражданства за счет изменения уровня оплаты труда. На основе анализа положения мигрантов на рынке труда в США (на данных «Текущего обследования населения за 1995–1998 гг.» – Current Population Survey (Bratsberg, Ragan, Nasir, 2002)) и Франции (на данных «Постоянного демографического обследования» (L'Echantillon Demographique Permanent, EDP (Fougère, Safi, 2009)) было показано, что трудовой доход мигрантов после приобретения гражданства возрастает. То же самое происходит и с вероятностью трудоустройства, причем, как было доказано на основе данных статистического регистра Нидерландов (Peters, Vink, Schmeets, 2018), она, в отличие от трудового дохода, начинает увеличиваться не после получения гражданства, а уже за некоторое время до этого момента. Возможным объяснением этому явлению могут служить инвестиции мигрантов в человеческий капитал, в данном случае – в самих себя с целью повышения квалификации. В работе (Enchautegui, Giannarelli, 2015) сделана оценка выгод от приобретения гражданства США не только для отдельных мигрантов, но и для городов той страны, которые будут получать дополнительные доходы в бюджет от налогов. Авторы (Enchautegui, Giannarelli, 2015) делают вывод о том, что программы содействия натурализации тех мигрантов, которые имеют право на получение американского паспорта, могли бы стать мощным механизмом, позволяющим городам наиболее полно использовать вклад мигрантов в экономику.

Однако существуют и другие исследования, в которых вывод об абсолютной положительной корреляции между натурализацией и положительными экономическими эффектами не подтверждается. Так, в работе (Steinhardt, 2012) на основе микроданных из выборки, сформированной нюрнбергским Институтом исследований занятости, о трудоустроенных мигрантах в Германии удалось выяснить, что мужчины, прошедшие процесс натурализации, при прочих равных условиях зарабатывают на 5% больше, чем мигранты, не имеющие гражданства Германии. Однако для женщин подобную взаимосвязь установить не удалось: на увеличение заработной платы женщин влияют социокультурные факторы, а не получение немецкого паспорта. На примере данных Швеции (Engdahl, 2014) также не удалось обнаружить, имеет ли место причинно-следственный эффект от приобретения гражданства в отношении уровня заработной платы на рынке

труда в целом. Подтверждение этому удалось обнаружить лишь для отдельных этнических групп. Таким образом, в разных странах процесс получения гражданства мигрантами по-разному влияет на их способность найти работу и трудовой доход, а следовательно, и на экономические эффекты натурализации.

Конечно, наличие гражданства принимающей страны — лишь один из факторов, определяющих эффекты миграции. Чем дольше время, проведенное мигрантом в стране, тем выше будет степень аккультурации и интеграции. За время проживания мигрант может лучше выучить язык, получить новые компетенции, которые сыграют решающую роль при найме работника и определении уровня его заработной платы. Влияние человеческого капитала мигранта может проявляться, когда нет прямой связи между наличием гражданства и положением мигранта на рынке труда (что происходит в случае запрета на определенные виды занятий или при наличии риска сверхэксплуатации иностранного работника). В работе (Sumption, Flamm, 2012) авторы отмечают, что трудно оценить, в какой мере преимущества, полученные и реализованные мигрантами после приема в гражданство, обусловлены только этим обстоятельством, поскольку эти успехи могут быть связаны с индивидуальными характеристиками самих мигрантов, которые мотивированы получить гражданство.

Таким образом, в последнее время все больше исследователей рассматривают приобретение гражданства и его влияние на положение мигрантов на рынке труда, социальную интеграцию, создание семей и т.д., однако публикаций, освещающих это влияние в России, практически не встречается. Как отмечалось ранее, одной из причин можно считать отсутствие необходимой количественной информации для проведения таких разработок. Выборочное обследование труда мигрантов 2019 г. с расширенным модулем вопросов о миграционном статусе респондента стало одним из первых государственных статистических мероприятий, проведенных в данном направлении. Оценка его аналитического потенциала для изучения экономических аспектов наличия у мигрантов российского гражданства (на фоне международного опыта подобных исследований) является одной из задач предлагаемой работы.

ОРС как источник данных для изучения связи наличия у мигрантов российского гражданства с их социально-экономическими характеристиками

В мировой практике специализированные, или модульные, обследования с вопросами, связанными с миграцией, позволяют собрать сведения, недоступные в административных источниках, и даже в переписях населения. Вариантом выбора для изучения положения мигрантов на рынке труда являются обследования рабочей силы, уровня жизни и другие общенациональные обследования, проводимые государственными статистическими агентствами. В отечественной практике постсоветского времени накоплен определенный опыт изучения миграции с помощью обследований, преимущественно проведенных отдельными научными институтами или коллективами (НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Центром миграционных исследований и др.). Эти работы сфокусированы на описании характеристик трудовых мигрантов-иностранцев (Денисенко, Мукомель 2020; Кириллова, 1998; Мукомель, 2017; Тюрюканова, 2004), мигрантов, родившихся

за пределами России (Смирных, Полякова, 2017), на сравнении характеристик международных и внутренних трудовых мигрантов (Мкртчян, Флоринская, 2018) и др. Мы видим проблему в том, что в этих обследованиях практически никогда не изучался вопрос, как влияет наличие у мигрантов российского гражданства на их на экономические характеристики, в том числе на положение таких мигрантов на рынке труда. Это никоим образом не умаляет достоинств проведенных обследований, но заставляет задаться вопросом, почему эта важнейшая тема не изучается в рамках государственных (регулярных, масштабных и, как правило, репрезентативных) опросов населения. По нашему мнению, только в рамках таких обследований можно набрать достаточное число респондентов, представляющих разные подгруппы мигрантов (имеющих и не имеющих российского гражданства), и сравнить их с теми, кто мигрантом не является.

Ситуацию с изучением миграции в обследованиях такого рода в нашей стране в принципе нельзя назвать благополучной. За исключением ОРС-2019 другие выборочные обследования демографической и экономической направленности, как правило, вообще не позволяют определить миграционный статус респондента и членов его домохозяйства⁵. В анкету ОРС⁶ вплоть до 2019 г. не включались вопросы, отражающие миграционный статус населения, в первую очередь вопрос о стране рождения и продолжительности проживания в России. Вопрос о гражданстве в анкете присутствовал, но давал возможность выделить только граждан России и иностранцев, без уточнения страны гражданства. Имели место значительные проблемы в охвате иностранного населения, постоянно проживающего на территории России (Чудиновских, 2015), что не позволяло считать собранную информацию достоверной. Отсутствие до 2019 г. в анкете ОРС вопросов о месте рождения и годе переезда в Россию обезличивало значительные контингенты международных мигрантов, проживающих в России и уже получивших гражданство⁷. Для России это обстоятельство имеет большое значение, поскольку преобладание упрощенного и ускоренного порядка получения гражданства Российской Федерации делает срок проживания в статусе иностранца весьма коротким (Чудиновских, 2018).

После распада СССР в Россию приехали миллионы мигрантов, многие к 2019 г. уже умерли. Упущены возможности изучить совершенно особенный период массовой миграции в Россию в 1990-х и первом десятилетии 2000-х годов. Лишь под влиянием научной общественности⁸ в анкету модульного обследования использования труда мигрантов 2019 г. (проводившегося на базе ОРС) были включены вопросы, связанные с миграционным статусом, в том числе вопросы о гражданстве, стране рождения, стране проживания в 1992 г. лиц, родившихся

⁵ В анкетах «Обследования бюджетов домашних хозяйств», «Обследования потребительских ожиданий населения», обследования «Семья и рождаемость» вопросов, связанных с миграцией, нет.

⁶ Ранее — «Обследование населения по проблемам занятости» (ОНПЗ).

⁷ В ходе обследования опрашиваются «российские и иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Российскую Федерацию из-за рубежа на учебу или работу на срок один год и более (независимо от того, сколько времени они пробыли в стране и сколько им осталось находиться в России)». В этой связи не понятно распределение лиц, отнесенных к мигрантам, по срокам проживания в России, где есть интервалы «менее трех месяцев» и «от трех месяцев до одного года» (см. Основные методологические и организационные положения Выборочного наблюдения труда мигрантов в 2019 году. См. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html).

⁸ В частности, основные идеи по модернизации ОНПЗ — в части вопросов и выборки были представлены на заседании Научно-методологического совета Росстата в 2017 г. (Чудиновских, 2017), и на их основе сформулированы рекомендации. Однако их реализация оказалась частичной и неудачной, специалисты Росстата не дали возможности экспертному сообществу провести обсуждение вопросника, который предполагалось использовать в ходе ОРС-2019.

до 1992 г., о продолжительности непрерывного проживания в России лиц, родившихся в другой стране или проживавших в другой стране в 1992 г., об основной причине переезда этих мигрантов в Россию⁹. К сожалению, при подготовке программы обследования представители Росстата весьма неудачно сформулировали варианты ответов на самые важные из этих вопросов, оставив за рамками внимания особенности миграционных процессов в период Новейшей истории России и не оценив аналитического потенциала собираемой информации. При работе с данными мы не раз сталкивались с тупиковыми ситуациями, так как уже на этапе сбора информации производилось ее агрегирование, закрывшее для исследования ряд важных направлений. Об этом будет сказано ниже.

Ниже представлен сравнительный анализ основных демографических и социально-экономических характеристик мигрантов с гражданством Российской Федерации, мигрантов-иностранцев и местных жителей. В частности, рассматриваются образовательные характеристики перечисленных групп населения, а также показатели их участия в рынке труда. Анализ был выполнен на основе микроданных «Выборочного наблюдения труда мигрантов», проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2019 г.

Сбор информации проводился в апреле, мае, августе и сентябре 2019 г. путем личного интервью респондентов. Всего было опрошено свыше 130 тысяч домохозяйств во всех субъектах Российской Федерации, в которых проживает население в возрасте 15 лет и старше¹⁰. Обобщенные материалы обследования, с учетом распространения, размещены на сайте Росстата. Но переменная «гражданство» в таблицах отсутствует, хотя для нашего анализа она имеет ключевое значение. Поскольку респонденты также отвечали на вопросы основной анкеты ОРС, можно получить сочетания некоторых характеристик миграционного статуса с другими переменными, традиционно присутствующими в обследовании. В анкете российского ОРС нет вопроса об уровне доходов, что не позволяет оценить, насколько успешно с экономической точки зрения происходит адаптация и интеграция мигрантов в России. Несмотря на это, собранные материалы все же показывают некоторые важные различия (и сходства) между немигрантами и мигрантами, в том числе имеющими российское гражданство или остающимися иностранцами¹¹. В этой работе мы ограничиваемся методами описательной статистики, потому что, как будет показано ниже, особенности данных не позволяют применить более сложные подходы.

Описание обследования 2019 г., проблемы выборки и формулировок вопросов анкеты

В ходе ОРС-2019 были опрошены более 300 тыс. респондентов в возрасте 15–72 лет, из которых лишь 8153 человека являются мигрантами с гражданством РФ (из них 6499 человек родились на территории СССР, 1654 человека – в других странах), а 1334 человека являются гражданами другой страны и при этом

⁹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 4 февраля 2019 г. № 50 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ТМ “Анкета выборочного наблюдения труда мигрантов” с указаниями по ее заполнению для организации федерального статистического наблюдения за использованием труда мигрантов» (<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=330226>).

¹⁰ https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html

¹¹ Похожую информацию в той или иной форме содержат и микроданные «Всероссийских переписей населения» 2002 и 2015 г., а также «Микропереписи 2015 г.», однако по техническим причинам (в связи с переходом на отечественное программное обеспечение) они не доступны для пользователей уже почти два года.

не указали на наличие у себя гражданства Российской Федерации. Следует отметить, что при проведении ОРС-2019 значительная часть иностранного населения не была охвачена, что отрицательно сказалось на репрезентативности данных в отношении иностранцев. По нашим минимальным оценкам, численность иностранного населения в возрасте 15 лет и старше составляла в 2019 г. не менее 2 млн человек. В том числе около 1 млн иностранцев соответствующего возраста имели вид на жительство или разрешение на временное проживание. Также свыше года на территории России могли находиться не менее 1 млн легальных трудовых мигрантов, имевших действующий патент, долгосрочную рабочую визу или являвшихся трудовыми мигрантами из стран ЕАЭС. В год проведения обследования в российских вузах очно обучались более 200 тыс. иностранных студентов. Если среднегодовая численность постоянного населения России в возрасте 15 лет и старше в 2019 г. составляла приблизительно 120 млн человек¹², то доля иностранцев в нем достигала примерно 1,7%. В выборке это соотношение составляет всего 0,4%. Можно предположить, что некоторые иностранцы указывали наличие у них российского гражданства, но это обстоятельство не могло так сильно повлиять на представленность иностранных граждан среди респондентов. Известно, что мигранты неравномерно расселяются по территории страны проживания и являются в ее населении «редкими элементами» (Bilborrow, Oberai, Standing, 1984). Вероятностная выборка в таких случаях не позволяет отобрать достаточное количество домохозяйств, имеющих в своем составе мигрантов. Для получения более надежной и статистически значимой информации в таких случаях рекомендуется применять специальные подходы к формированию выборки (Carletto, De Brauw, Vanerjee, 2012), что также не было принято во внимание при подготовке ОРС-2019. Малое число иностранцев, охваченных обследованием (и ответивших на все вопросы анкеты), сделало невозможным анализ данных по регионам России. Таблицы, в которых признак «гражданство» сочетается с переменной «регион проживания» и разными социально-демографическими и экономическими характеристиками, содержали бы величины, недостаточные даже для расчета процентного распределения.

Еще более серьезной, чем проблема выборки, оказалась проблема дизайна вопросов (и подсказок) миграционного модуля¹³, который оказался, по нашему мнению, неудачным. Во-первых, лица, родившиеся до 1992 г., отвечая на вопрос о стране рождения, могли выбрать вариант «СССР» либо «другая страна», указав ее современное название. Но России в этом перечне нет. Для тех, кто родился на территории РСФСР, был доступен только один вариант — «СССР». Анализировать эти данные невозможно, так как неизвестно, кто из указавших «СССР» родился на территории РСФСР, а кто в другой союзной республике. Вариант «СССР» в принципе не имеет смысла, т.к. год рождения позволяет определить, кто родился до и после распада СССР¹⁴. Рекомендации ЕЭК ООН по проведению переписей населения (в этом смысле нет принципиальной разницы между переписью и обследованием) прямо указывают, что при учете всех признаков, связанных с международными границами (страна рождения, страна рождения родителей, страна гражданства, страна предыдущего/текущего жительства), должны учитываться национальные границы, существующие на момент пере-

¹² Рассчитано по данным Росстата (https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm).

¹³ См. сноску 9.

¹⁴ Возможные варианты ответа: Россия (с 1992 г.); СССР (до 1992 г.); другая страна.

писи¹⁵. Это важно в том числе и для международной сопоставимости собранной информации¹⁶. Из-за некорректно сформулированного вопроса (точнее – подсказа) возрастной состав уроженцев России оказался весьма специфическим: все они родились в период начиная с 1992 г. Во-вторых, переменная «страна проживания в 1992 году» не компенсирует недостатка вопроса о стране рождения, так как в анкете нет вопроса о непрерывности проживания. Значительное число уроженцев России, переехавших в советское время в союзные республики (в том числе незадолго до распада СССР), оказались включенными в число международных мигрантов только по критерию проживания за пределами России в 1992 г.

Респонденты, которые переехали в Россию в разные годы до распада СССР, будучи в трудоспособном возрасте (и в настоящее время, по-видимому, относятся к старшим возрастным группам выборочной совокупности), вероятно, больше схожи с «немигрантами». Но люди, переехавшие в годы, предшествовавшие распаду СССР, в детском возрасте и сейчас находящиеся в группе 30–40-летних, могут отличаться от немигрантов. Переменная «страна проживания в 1992 году» не решает проблемы, так как страна рождения остается неуточненной.

Вопрос о продолжительности проживания не предполагал указания точного периода (или года переезда), что мы считаем ошибочным. В этом случае также имело место чрезмерное агрегирование информации уже на этапе ее сбора. Все ответы были сгруппированы в четыре интервала: менее 3 месяцев, от 3 месяцев до 1 года, от 1 года до 5 лет, более 5 лет¹⁷ (к последнему интервалу отнесли себя 92% респондентов). Интервал «более 5 лет» объединяет когорты мигрантов разных периодов прибытия, с неодинаковыми характеристиками, которые невозможно сравнивать. Отсутствие в анкете ОРС вопроса о годе получения российского гражданства также создало определенные трудности при классификации мигрантов. А нежелание Росстата включать в анкету вопрос о доходах сделало невозможным сравнительный анализ мигрантов и немигрантов по этой наиболее важной экономической переменной.

Прямолинейное понимание Росстатом рекомендаций Конференции статистиков труда в отношении определения «трудоустроенных-мигрантов»¹⁸ и игнорирование рекомендаций других статистических организаций (например, ООН и Конференции европейских статистиков) также привело к невозможности адекватно проанализировать взаимосвязи миграционного статуса и некоторых других характеристик. К «международным трудящимся мигрантам» были отнесены лица, которые до 1992 г. проживали вне России¹⁹ или родились после 1992 г. за пределами РФ. Истинный миграционный статус респондентов оказался затуханным. Неудачно был сформулирован вопрос о причинах переезда. Перечень возможных причин объединил разнородные по смыслу варианты: работа, учеба,

¹⁵ Рекомендации Конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2020 года. ООН, Нью-Йорк и Женева, 2015 г. (https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECECES41_RU.pdf).

¹⁶ Principles and recommendations for population and housing censuses revision 3. United Nations New York, 2017. Department of Economic and Social Affairs Statistics Division (paragraph 4.106) (https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/Standards-and-Methods/files/Principles_and_Recommendations/Population-and-Housing-Censuses/Series_M67rev3-E.pdf).

¹⁷ Включение интервалов до 1 года противоречит методологии отбора респондентов как лиц, проживающих в России год и более, если только не предположить, что вопрос задавался об ожидаемом, а не реальном сроке проживания.

¹⁸ Это определение в настоящее время пересматривается.

¹⁹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 10.04.2019 № 206 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений Выборочного наблюдения труда мигрантов в 2019 году» (<http://docs.cntd.ru/document/554143490>).

семейные обстоятельства, переезд на постоянное жительство, неблагоприятная ситуация в собственной стране и др. Переезд на постоянное жительство является формой, а не причиной миграции, для такой миграции имеются собственные причины, поэтому распределение ответов на этот вопрос трудно интерпретировать. Как отмечалось ранее, перечисленные недостатки существенно ограничили аналитический потенциал собранной информации. Это обстоятельство следует учесть в будущем и проектировать анкету таким образом, чтобы исследователи могли делать нужные группировки и агрегирования, а не сталкиваться с ситуацией, когда плохо сформулированные вопросы не расширяют, а, напротив, искусственно сужают возможности анализа.

Выделение групп по миграционному статусу и их основные социально-демографические характеристики

Для сравнения подгрупп респондентов с разным миграционным статусом мы использовали следующие определения (с учетом ограничений исходных данных):

- 1) «немигранты», или «местные жители», – граждане РФ, родившиеся в РФ после 1992 г. или до 1992 г. проживавшие на территории современной РФ (вне зависимости от места рождения);
- 2) «мигранты-граждане» – граждане РФ, проживавшие вне территории современной РФ до 1992 г., а также лица, указавшие на наличие у них гражданства РФ и любой другой страны и родившиеся после 1992 года вне территории РФ;
- 3) «мигранты-неграждане» (или «мигранты-иностранцы») – лица, родившиеся за пределами РФ после 1992 г., или проживавшие вне территории современной РФ до 1992 г., указавшие на наличие у них гражданства другого государства и не являющиеся при этом гражданами РФ.

По основным демографическим характеристикам мигранты, имеющие гражданство РФ, близки к местным жителям, хотя медианный возраст в первой группе на пять лет превышает возраст третьей группы. Это можно объяснить тем, что большинство мигрантов-граждан России (более 93%) переехали в Россию или во времена существования СССР, или в 1990-е годы – период массовой миграции русскоязычного населения из бывших республик СССР в Россию. Более подробно рассмотреть эти совокупности мигрантов не представляется возможным из-за неудачного дизайна вопроса о продолжительности проживания мигрантов в России.

Мигранты-иностранцы значительно отличаются от двух других групп. Это единственная подгруппа респондентов, в которой доля мужчин превышает долю женщин; кроме того, ей также присуща более молодая возрастная структура (табл. 1).

Распределение респондентов по десятилетним возрастным группам (табл. 2) показывает, что среди иностранцев намного выше доля 20–29-летних и 30–39-летних. В совокупности группа наиболее активных рабочих возрастов 20–39 лет среди иностранцев достигала 53,8%, тогда как среди мигрантов, имеющих гражданство, показатель составил всего 25,1%, а среди местных жителей – 28,7%.

Таблица 1

Демографические характеристики респондентов с разным миграционным статусом

Характеристика	Мигранты–граждане РФ	Мигранты-иностранцы	Местные жители
Доля мужчин в группе, %	46,6	58,7	45,0
Доля женщин в группе, %	53,4	41,3	55,0
Медианный возраст, лет	51	34	46
Среднее число членов домохозяйства, человек	3,33	3,71	3,24
Число респондентов, человек	8153	1334	298 612

Таблица 2

Возрастная структура респондентов с различным миграционным статусом по десятилетним интервалам, %

Возраст, лет	Мигранты–граждане РФ	Мигранты-иностранцы	Местные жители
15–19	2,4	9,8	9,1
20–29	7,6	28,8	12,2
30–39	17,5	25,0	16,5
40–49	19,4	18,6	17,0
50–59	18,9	9,1	16,5
60–69	19,6	5,0	17,0
70 и старше	14,6	3,7	11,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Можно предположить, что среди мигрантов-неграждан преобладают трудовые мигранты-мужчины, приехавшие в Россию без семьи²⁰. В сочетании с более низким уровнем образования этой подгруппы полученные результаты соответствуют выводам других исследователей (Варшавская, Денисенко, 2014).

Из-за ограниченного набора вопросов, задававшихся респондентам, единственной социальной характеристикой, рассмотренной ниже, является уровень образования. В этом отношении имела место схожесть между мигрантами–гражданами РФ и местными жителями. Доли лиц, имеющих среднее или высшее образование, в этих двух группах похожи (табл. 3). В то же время в группе мигрантов, не имеющих гражданства РФ, проявились отличия от двух других групп: в ней намного меньше лиц с высшим образованием и больше тех, кто имеет среднее общее образование. Это может быть объяснено разницей в возрастной структуре: молодые мигранты без гражданства могли еще не успеть получить более высокий уровень образования.

Сравнение уровня образования разных возрастных групп респондентов в сочетании с их миграционным статусом ограничено малой численностью совокупностей, которые мы получаем при построении таблиц сопряженности для мигрантов-иностранцев. Тем не менее при укрупнении образовательных

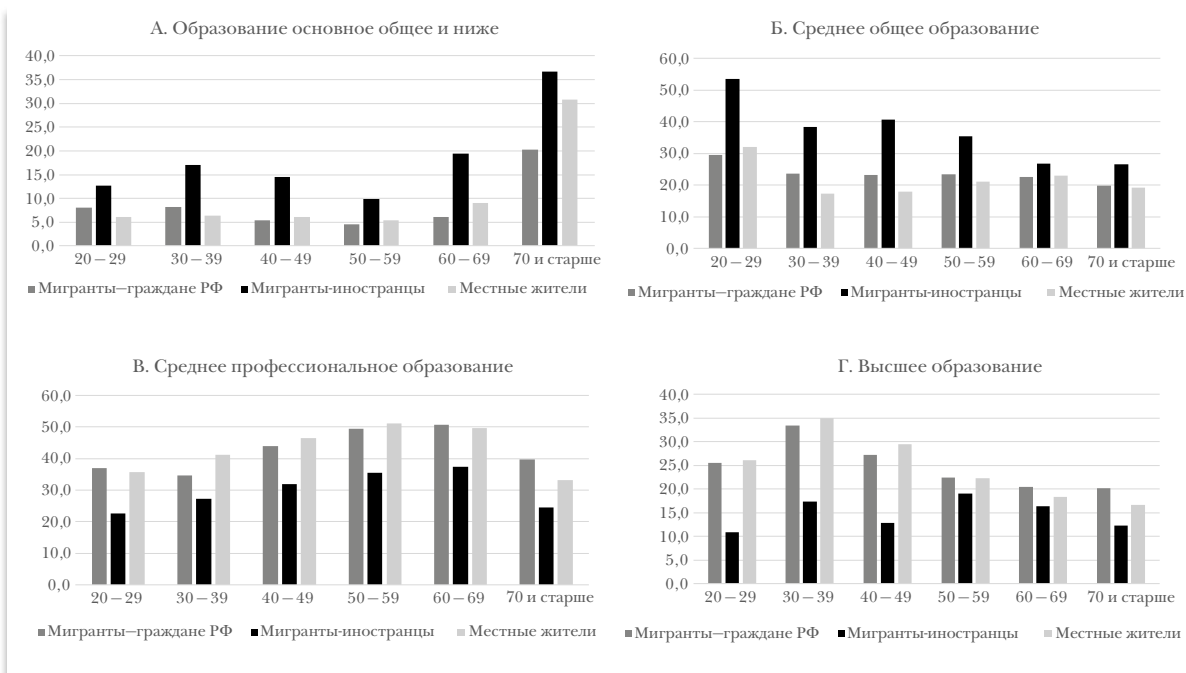
²⁰ В среднем, по данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, среди временных трудовых мигрантов доля мужчин на протяжении многих лет достигает 85%.

Таблица 3

Распределение респондентов с разным миграционным статусом по уровню образования, %

Уровень образования	Мигранты– граждане РФ	Мигранты-ино- странцы	Местные жители
Не имеют основного общего образования	1,8	3,5	3,8
Основное общее образование	8,0	16,9	11,6
Среднее общее образование	23,4	41,4	21,8
Среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена	24,4	13,7	22,2
Среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	18,2	11,5	17,8
Высшее образование – бакалавриат	1,7	2,5	2,2
Высшее образование – специалитет, магистратура	22,2	10,2	20,2
Послевузовское профессиональное образование	0,4	0,1	0,3
Число респондентов, человек	8153	1334	298 612

уровней можно увидеть, что, начиная с 20 лет, иностранные граждане во всех возрастных группах имеют повышенную долю лиц с общим средним и основным общим (и ниже) образованием (см. рисунок (А, Б)).

Рисунок

Удельный вес лиц соответствующего уровня образования в отдельных возрастных группах респондентов (20 лет и старше) с разным миграционным статусом, %

Особенно значительна разница в группе 20–29-летних: среднее общее образование имеют почти 54% иностранцев, и всего 29% мигрантов–граждан России и 32% немигрантов. Соответственно, во всех возрастах доля лиц со средним профессиональным, и в особенности высшим, образованием среди иностранцев намного ниже, чем среди граждан России – как мигрантов, так и местных жителей (см. рисунок (В, Г)).

Максимальные различия наблюдаются в возрастах от 20 до 49 лет, где в среднем удельный вес тех, кто имеет высшее образование, среди иностранцев (13,7%) вдвое меньше, чем среди мигрантов–граждан России и немигрантов (29,4 и 30,5% соответственно). Оценить зависимость уровня образования мигрантов от длительности проживания в России и от года получения гражданства не представляется возможным из-за отсутствия в анкете ОРС соответствующих вопросов.

Некоторые экономические характеристики респондентов с различным миграционным статусом

Важнейший срез нашего исследования был связан с описанием и сравнительным анализом участия целевых групп в трудовой деятельности, их экономической активности, занятости и безработицы, а также структуры занятых по отраслям экономики и месту работы.

Наиболее низкий уровень участия в рабочей силе (56,6%) наблюдается среди немигрантов (местных жителей), затем следуют мигранты с российским гражданством (58,9%) и мигранты без гражданства РФ (почти 70%) (табл. 4). Причиной этого может быть разница в возрастной структуре этих групп – совокупность мигрантов-иностранцев более молодая.

Таблица 4

Показатели экономической активности респондентов с разным миграционным статусом, %

Показатель	Мигранты– граждане РФ	Мигранты- иностранцы	Местные жители
Занятые	56,0	67,2	53,8
Безработные	2,9	2,6	2,8
Лица, не входящие в состав рабочей силы	41,1	30,1	43,4
Уровень участия в рабочей силе	58,9	69,9	56,6
Число респондентов, человек	8153	1334	298 612

Следует отметить, что похожие результаты были получены в ходе Американского обследования общин (Карцева, 2020), согласно которым наименьший уровень участия в рабочей силе также наблюдался среди местных жителей, а наибольший – среди мигрантов, не имеющих гражданства США. Объяснение этому факту довольно очевидно: во-первых, как было показано выше, группа мигрантов без гражданства отличается от двух других групп как

по среднему (медианному) возрасту, так и по уровню образования; во-вторых, имеет место такое явление, как самоотбор, когда, с одной стороны, государство при принятии решения о натурализации того или иного гражданина в качестве одного из факторов рассматривает наличие или отсутствие у него источника средств²¹, с другой стороны, сами мигранты больше мотивированы участвовать в рабочей силе по разным причинам (например, из-за желания быстрее получить гражданство принимающей страны или необходимости отправлять часть денег семье на родину). При этом уровень безработицы среди всех рассматриваемых групп примерно одинаковый и находится ниже 3%, что значительно меньше официального уровня безработицы в России в 2019 г., который составил 4,6%²².

Большие различия между мигрантами, не имеющими гражданства РФ, и остальными двумя группами наблюдаются при сравнении места основной работы респондентов. Более 70% мигрантов с гражданством РФ и около 80% местных жителей работают на предприятиях или в организациях со статусом юридического лица, тогда как среди мигрантов, не имеющих гражданства России, этот показатель не превышает и 50% (табл. 5). В то же время среди них сравнительно велика доля лиц, работающих по найму у физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также в фермерском хозяйстве (38,2 против 13,0% среди местных жителей и 15,4% среди мигрантов–граждан РФ).

На многих предприятиях и в организациях российское гражданство является условием для найма работника. С другой стороны, согласно Федеральному закону № 115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»²³ и Федеральному закону № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»²⁴, иностранные граждане имеют возможность открыть в России свое ИП при усло-

Таблица 5

Структура респондентов с разным миграционным статусом по месту их основной работы (занятые), %

Место основной работы	Мигранты–граждане РФ	Мигранты-иностранцы	Местные жители
По найму у физических лиц, ИП, в фермерском хозяйстве	15,4	38,2	13,0
На предприятии, в организации со статусом юридического лица	72,5	49,7	80,1
В собственном домашнем хозяйстве на производстве продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи	2,5	1,2	2,0
В сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, на индивидуальной основе	9,6	10,8	4,9
Число респондентов, человек	4564	897	160 701

²¹ Это требование применяется только к лицам, получающим гражданство в общем порядке, доля которых в 2015–2019 гг. не превышала 0,1%, а в предыдущие годы была еще меньше.

²² См. «Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2019 года (по итогам обследования рабочей силы)» (https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/12.htm).

²³ См. «Собрание законодательства Российской Федерации», №30, с. 3032.

²⁴ См. «Собрание законодательства Российской Федерации», №33, с. 3431.

вии наличия вида на жительство или разрешения на временное проживание в России. Кроме того, ИП в нашей стране также имеет возможность нанимать иностранцев на работу при условии прохождения аккредитации как работодателя для мигрантов в отделении Главного управления по вопросам миграции МВД России. Таким образом, у мигрантов-иностранцев имеется больше возможностей для трудоустройства у индивидуальных предпринимателей или физических лиц, чем на предприятиях со статусом юридического лица. Этим, возможно, и объясняется отличие данной группы от двух других именно по данному показателю.

Еще одной характеристикой, представляющей интерес, является фактическая продолжительность рабочей недели. Отметим, что отечественные исследователи неоднократно отмечали, что трудовые мигранты-иностранцы испытывают дискриминацию на российском рынке труда, работают более длительное время по сравнению с гражданами России (Денисенко, Чернина, 2017), причем переработка не компенсируется соответствующим ростом заработной платы. По данным Е.В. Тюрюкановой и В.И. Мукомеля (Тюрюканова, 2009; Мукомель, 2017), на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. длительность рабочей недели временных трудовых мигрантов составляла 60–70 часов. Исследования последних лет указывают на сохранение такого положения дел (Мкртчян, Флоринская, 2018). Обследование, проведенное ВШЭ весной 2017 г., показало, что длительность рабочей недели трудовых мигрантов составила 59 часов (против 39,6 часов у граждан России), хотя денежное вознаграждение немного выросло (Петрова, 2017).

Обследование труда мигрантов в 2019 г. продемонстрировало существенно меньший разрыв между количеством времени, отработанным иностранцами и другими группами работников. Среди местных жителей средняя продолжительность рабочей недели оказалась равной 38,5 часам, среди мигрантов с гражданством РФ – 38,8 часам, среди мигрантов-иностранцев – 40,7 часам. На результат могли повлиять особенности выборки, в частности включение в опрос лиц только с долгосрочным (в том числе предполагаемым) периодом пребывания. Число мигрантов–граждан России, ответивших на этот вопрос, составило 3328 человек, а мигрантов, не имеющих гражданства РФ, – 667 человек. Вероятно, этого недостаточно для однозначных выводов о реальной ситуации с длительностью рабочей недели.

Виды экономической деятельности на основной работе в анкете ОРС приводятся в укрупненной группировке (ОКВЭД2). При ответе на этот вопрос можно было выбрать одну из 21 отрасли экономики. Лишь в девяти из этих отраслей доля занятых превышала 5% хотя бы одной из трех исследуемых групп. В связи с этим в рамках нашего анализа все остальные отрасли объединены в раздел «Прочее» (табл. 6).

Около 60% мигрантов, не имеющих гражданства РФ, заняты в трех отраслях экономики – строительстве, оптовой и розничной торговле, а также в обрабатывающей промышленности. Многие рабочие места в перечисленных отраслях не требуют специального образования, нередко выполняемая работа – тяжелая и непрестижная. Неудивительно, что доля мигрантов с гражданством РФ и местных жителей в этих отраслях ниже. Мигранты, уже получившие гражданство России, по сравнению с местными жителями чаще работают в трех вышепе-

Таблица 6

Структура респондентов с разным миграционным статусом по отраслям экономики (занятые), %

Отрасли экономики	Мигранты–граждане РФ	Мигранты-иностранны	Местные жители
Торговля оптовая и розничная	17,3	22,9	14,5
Обрабатывающая промышленность	11,6	11,0	13,4
Строительство	9,7	26,6	6,5
Транспортировка и хранение	9,5	7,7	8,3
Образование	8,7	3,2	10,4
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	8,2	5,0	8,3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	7,7	2,0	8,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	4,7	0,5	7,6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3,5	8,5	2,5
Прочее	19,3	12,6	20,4
Число респондентов, человек	4564	897	160 701

речисленных отраслях и несколько реже – в образовательной и управленческой сфере. Частично это может объясняться тем, что лица, приехавшие в Россию заниматься определенным видом экономической деятельности (например, работать в строительстве), после получения гражданства не будут спешить переходить на другую профессию. Это потребует увольнения с уже имеющейся работы и последующего трудоустройства (возможно, с прохождением переобучения, что предполагает дополнительные временные издержки). Кроме того, в данном случае наличие паспорта Российской Федерации поставит мигранта в более выгодное положение по сравнению с теми, кто этого паспорта не имеет, и, возможно, даст возможность занять более высокую и лучше оплачиваемую должность по сравнению с той, какую мигрант имел до получения российского гражданства. Очевидны различия между мигрантами–негражданами России и двумя другими группами респондентов. Мигранты, не имеющие гражданства РФ, в основном работают в отраслях экономики, где распространены занятия, не требующие высокой квалификации, тогда как среди натурализованных мигрантов и местных жителей чаще встречаются люди, трудоустроенные в образовательной и управленческой сферах.

Заключение

Проведенное исследование имело два важных результата. С одной стороны, описательный анализ материалов выборочного обследования рабочей силы 2019 г. позволил, не углубляясь в детали, сравнить некоторые характеристики мигрантов и немигрантов, в том числе имеющих и не имеющих российского гражданства. С другой стороны, работа с данными заставила нас подробно

рассмотреть методологию обследования, формулировки вопросов анкеты, сделать о них неутешительные выводы и сформулировать рекомендации в адрес Росстата. Второе направление, по-видимому, имеет даже большее прикладное значение, поскольку неудачный модуль вопросов о миграционном статусе, применявшийся при проведении обследования 2019 г., был без критической оценки и без изменений перенесен в анкету ОРС-2021 г.²⁵

Даже при известных ограничениях материалы обследования 2019 г. показали, что между мигрантами, не имеющими гражданства Российской Федерации, мигрантами, уже получившими гражданство, и местными жителями наблюдаются различия по основным экономическим и социально-демографическим переменным. Респонденты, представляющие две последние группы (мигранты, уже получившие гражданство, и местные жители), имеют много общего. Близкими оказались соотношение мужчин и женщин, уровень образования и уровень участия в рабочей силе, а также структура занятых по месту основной работы. Вместе с тем, между ними существуют и различия, главные из которых связаны с более высоким показателем медианного возраста мигрантов–граждан РФ по сравнению с немигрантами (на 5 лет) и распределением занятых по отраслям экономики. Среди мигрантов–граждан больше занятых в традиционных для мигрантов секторах и относительно меньше занятых в сфере государственного управления. В то же время отличия мигрантов–неграждан от двух прочих групп респондентов подтвердили наблюдения других исследователей. Мигранты–иностранцы — моложе, в среднем обладают более низким уровнем образования, имеют большее число членов в домохозяйствах, чаще проживают в городах, а также работают в небольших фирмах и у индивидуальных предпринимателей в строительстве, торговле и обрабатывающей промышленности. Таким образом, до получения гражданства Российской Федерации характеристики мигрантов, связанные с положением на рынке труда, существенно отличаются от характеристик местных жителей и мигрантов, уже получивших российское гражданство. В то же время натурализованные мигранты и немигранты близки по основным социально-экономическим показателям.

Недостатки анкеты российского обследования 2019 г. и скудный аналитический потенциал данных, связанных с миграционным статусом респондентов, особенно отчетливо проявляются на фоне международных исследований. Нам трудно согласиться с мнением (которое до недавнего времени выражали и представители Росстата) о том, что российское ОРС не предназначено или не приспособлено для изучения миграции. Во всем мире именно обследования рабочей силы и подобные им общенациональные выборочные обследования являются одним из главных источников данных, позволяющих сравнивать экономические и иные характеристики мигрантов, имеющих и не имеющих гражданства принимающей страны, с положением немигрантов, оценивать влияние натурализации на уровень доходов и занятости и т.д. Формулировки вопросов и подсказок к ним должны не закрывать возможности углубленного анализа, а, напротив, — максимально расширять исследовательские перспективы.

Отдельно необходимо обсудить вопросы выборки ОРС. Структура респондентов по миграционному статусу показала огромные диспропорции, не отража-

²⁵ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 24.07.2020 № 412 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, условиями и оплатой труда работников, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам» (<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=368052>).

ющие представленности мигрантов в населении нашей страны. Среди более чем 300 тыс. респондентов всего 8 тыс. могли быть отнесены к числу натурализованных мигрантов и лишь 1300 респондентов не имели российского гражданства. Иными словами, в рамках ОРС не представлены, как минимум, три четверти иностранцев, свыше года проживающих в Российской Федерации.

Учитывая рекомендации международных экспертов по организации выборочных обследований по вопросам миграции, Росстат должен более внимательно отнестись к проблеме выборки при проектировании следующего обследования с модулем вопросов по миграции в 2024 г., а также пересмотреть формулировки вопросов и подсказок к ним.

Проведение исследования на большей выборке мигрантов и включение в анкету дополнительных вопросов (например, о величине дохода, годе переезда в Россию и годе получения гражданства, и т.д.) позволит применять более точные методы анализа данных, изучать интеграцию и ассимиляцию мигрантов в России, проводить международные сравнения. В том числе мы наконец сможем получить информацию, проливающую свет на экономические факторы и эффекты натурализации мигрантов в России, и более глубоко изучать процесс их интеграции.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.** (2014). Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // *Социологические исследования*. № 4. С. 63–73. [**Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B.** (2014). Mobility of foreign workers in the Russian labor market. *Sociological Studies (Socis)*, 4, 63–73, (in Russian).]
- Денисенко М., Чернина Е.** (2017). Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // *Вопросы экономики*. № 3. С. 40–57. [**Denisenko M., Chernina E.** (2017). Labor migration and migrants' earnings in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 40–57 (in Russian).]
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И.** (2020). Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // *Демографическое обозрение*. № 7 (3). С. 84–107. [**Denisenko M.B., Mukomel V.I.** (2020). Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demographic Review*, 7 (3), 84–107 (in Russian).]
- Карцева М.А.** (2020). Влияние статуса гражданства на социально-экономическое положение мигрантов в США. Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности. Десятые Валентеевские чтения. Сборник докладов. О.С. Чудиновских, И.А. Троицкая, А.В. Степанова (ред.). М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 292–315. [**Kartseva M.A.** (2020). The impact of citizenship status on the socio-economic situation of migrants in the United States. *Strategic objectives of demographic development: priorities and regional features. Tenth Valenty's readings: Collection of materials*. O.S. Chudinovskikh, I.A. Troitskaya, A.V. Stepanova (Eds.). Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 292–315 (in Russian).]
- Кириллова Е.** (1998). Украинские трудовые мигранты в России. Миграция и рынки труда в постсоветской России. Научные доклады. Вып. 25. М.: Московский центр Карнеги. [**Kirillova E.** (1998). *Ukrainian labor migrants in Russia. Migration and labor markets in post-Soviet Russia*. Scientific reports. Issue 25. Moscow: Carnegie Moscow Center (in Russian).]

- Мкртчян Н., Флоринская Ю.** (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (37). С. 186–193. [Mkrтчyan N., Florinskaya Yu. (2018). Labor migration in Russia: International and internal aspects. *The Journal of the New Economic Association*, 1 (37), 186–193 (in Russian).]
- Мукомель В.И.** (2017). Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // *Статистика и экономика*. № 6. С. 69–79. [Mukomel V.I. (2017). Migrants at the Russian labor market: Occupations, mobility, intensity of labor and wages. *Statistics and Economics*, 6, 69–79 (in Russian).]
- Петрова Н.** (2017). Мигрант с натуры. Кто теперь едет в Россию // *Коммерсантъ*. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3380376?utm_source=kommersant&utm_medium=all_levo&utm_campaign=vybor [Petrova N. (2017). A migrant from nature. Who is going to Russia now. *Kommersant*'. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3380376?utm_source=kommersant&utm_medium=all_levo&utm_campaign=vybor (in Russian).]
- Смирных Л.И., Полякова Е.Ю.** (2017). Лица иностранного происхождения в России: сколько их и кто они? // *Вопросы статистики*. № 1. С. 36–45. [Smirnykh L.I., Polyakova E.Yu. (2017). The foreign-born individuals in Russia: How many of them are there and who are they? *Voprosy Statistiki*, 1, 36–45 (in Russian).]
- Тюрюканова Е.В.** (2004). Трудовая миграция в Россию // *Отечественные записки*. № 4 (19). Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2004/4/trudovaya-migraciya-v-rossii> [Tyuryukanova E.V. (2004). Labor migration to Russia. *Otechestvennye zapiski*, 4 (19). Available at: <https://strana-oz.ru/2004/4/trudovaya-migraciya-v-rossii> (in Russian).]
- Тюрюканова Е.В.** (2009). Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество. В кн.: «Иммигранты в Москве». Ж.А. Зайончковская (ред.). М.: Институт Кеннана, Три квадрата (цит. по // *Демоскоп-Weekly*. № 389–390, 14–27 сентября 2009). [Tyuryukanova E.V. (2009). Labor migrants in Moscow: The “second” society. In: *Immigrants in Moscow*. Zh.A. Zhaionchkovskaya (Ed.). Moscow: Kennan Institute, Tri kvadrata publishers (cited by *Demoscope-Weekly*, 389–390) (in Russian).]
- Чудиновских О.** (2017). Использование административных источников и выборочных обследований для производства статистики международной миграции в России. Доклад на заседании научно-методологического совета Росстата 28 сентября 2017 г. (Презентация) Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/prez-chud.pdf [Chudinovskikh O. (2017). *Using administrative sources and sample surveys for the production of international migration statistics in Russia*. Presentation at the meeting of the Scientific and Methodological Council of Rosstat on September 28 (in Russian).]
- Чудиновских О.С.** (2015). Сбор данных о трудовой миграции в ходе выборочных обследований населения // *Вопросы статистики*. № 9. С. 12–23. [Chudinovskikh O.S. (2015). Data collection on labor migration within population sample surveys. *Voprosy Statistiki*, 9, 12–23 (in Russian).]
- Чудиновских О.С.** (2018). Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // *Вопросы статистики*. Т. 25. № 9. С. 3–26. [Chudinovskikh O.S. (2018). Statistics of citizenship acquisition as a reflection of the peculiarities of the Russian migration policy. *Voprosy Statistiki*, 25, 9, 3–26 (in Russian).]
- Anniste K., Tammaru T.** (2014). Ethnic differences in integration levels and return migration intentions. *Demographic Research*, 30, 13, 377–412.

- Azzolini D., Guetto R.** (2017). The impact of citizenship on intermarriage: Quasi-experimental evidence from two European Union Eastern enlargements. *Demographic Research*, 36, 43, 1299–1336.
- Banulescu-Bogdan N.** (2012). *Shaping citizenship policies to strengthen immigrant integration*. Migration Policy Institute. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/shaping-citizenship-policies-strengthen-immigrant-integration>
- Bilborrow R.E., Oberai A.S., Standing G.** (1984). *Migration surveys in low-income countries. Guidelines for survey and questionnaire design*. London, Sydney: Groom Helm.
- Bratsberg B., Ragan Jr.J.F., Nasir Z.** (2002). The effect of naturalization on wage growth: A panel study of young male immigrants. *Journal of Labor Economics*, 20, 3, 568–597.
- Brochmann G., Midtbøen A.H.** (2020). Philosophies of integration? Elite views on citizenship policies in Scandinavia. *Ethnicities*, August, 1–19.
- Brown V.** (2020). *Naturalization fees: A poll tax hidden in plain sight*. *Immigration Impact*. Available at: <https://immigrationimpact.com/2020/10/21/uscis-naturalization-fees-poll-tax/#.YBB3jDEzaUk>
- Carletto C., De Brauw A., Banerjee R.** (2012). Measuring migration in multi-topic household surveys. *Handbook on Research Methods in Migration*. Edited by Vargas-Silva C. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 215–219.
- Enchautegui M.E., Giannarelli L.** (2015). The economic impact of naturalization on immigrants and cities. *Rep. Urban Institute*. Available at: <https://www.urban.org/research/publication/economic-impact-naturalization-immigrants-and-cities>
- Engdahl M.** (2014). Naturalizations and the economic and social integration of immigrants. *Working Paper Series, Center for Labor Studies*, 6. Uppsala University, Department of Economics. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/106284/1/786043644.pdf>
- Ersanilli E., Koopmans R.** (2010). Rewarding integration? Citizenship regulations and the socio-cultural integration of immigrants in the Netherlands, France and Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36 (5), 773–791.
- Forrester A., Nowrasteh A.** (2018). Immigrant wages converge with those of native-born Americans. *CATO Institute. Immigration Research and Policy Brief*, 9. Available at: <http://www.latinopublicpolicy.org/2018/10/immigrant-wages-converge-with-those-of-native-born-americans/>
- Fougère D., Safi M.** (2009). Naturalization and employment of immigrants in France (1968–1999). *International Journal of Manpower*, 30, 1/2, 83–96.
- Gathmann C., Keller N., Monscheuer O.** (2015). Citizenship and the social integration of immigrants: Evidence from Germany's immigration reforms. Annual Conference 2015 (Muenster): *Economic development – theory and policy from verein für socialpolitik*. German Economic Association. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/113184>
- Hainmueller J., Hangartner D., Pietrantuono G.** (2017). Catalyst or crown: Does naturalization promote the long-term social integration of immigrants? *American Political Science Review*, 111, 2, 256–276.
- Hainmueller J., Hangartner D., Ward D.** (2019). The effect of citizenship on the long-term earnings of marginalized immigrants: Quasi-experimental evidence from Switzerland. *Science Advances*, 5, 12, eaay1610.
- Peters F., Vink M., Schmeets H.** (2018). Anticipating the citizenship premium: Before and after effects of immigrant naturalisation on employment. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44, 7, 1051–1080.

- Reichel D.** (2010). Measuring determinants and consequences of citizenship acquisition. *PROMINSTAT Working Paper*, 15, December. Available at: http://research.icmpd.org/fileadmin/Research-Website/Project_material/PROMINSTAT_File_Exchange/Prominstat_Working_Paper_15_Citizenship_final.pdf
- Steinhardt M.F.** (2012). Does citizenship matter? The economic impact of naturalizations in Germany. *Labour Economics*, 19, 6, 813–823.
- Sumption M., Flamm S.** (2012). *The Economic Value of Citizenship for Immigrants in the United States*. Migration Policy Institute. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/research/economic-value-citizenship>

Поступила в редакцию 26.11.2020

Received 26.11.2020

A.M. Litovchenko

Center of Economic Analysis & Prognosis at the Center of Strategic Research,
Moscow, Russia

O.S. Chudinovskikh

Laboratory of human population economics and demography at the Economic
Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

On the impact of acquiring citizenship on some socio-economic characteristics of migrants and their position in the labor market

Abstract. The article discusses the possible impact of migrants' citizenship of the host country on their socio-economic characteristics. The topic of the economics of citizenship (in various aspects) is extremely relevant and found wide coverage in foreign literature. In domestic practice, it remains poorly developed due to the lack of data suitable for such studies. Comparative analysis of the characteristics of migrants, usually migrant-workers, and the local population can be often found in the publications of the Russian scientists, but rarely investigated is the question of how the economic characteristics of migrants who have already become Russian citizens differ from those of foreigners. In 2019, for the first time in the modular survey conducted by Rosstat on the basis of the Labor Force Survey (LFS), information was collected on the migration status of respondents: their country of birth and duration of residence in Russia. Combination of these variables with citizenship made it possible to distinguish three groups of respondents: migrants who already have Russian citizenship, foreigners, and non-migrants. The work with microdata at the level of descriptive statistics showed, as expected, that foreigners differ significantly from other groups of respondents. On average, they are younger, less educated, have a higher labor force participation rate, and are more likely to work in labor-intensive sectors of the economy that do not require high qualifications. The minimal differences between non-migrants and migrants with Russian citizenship may be related to a large proportion of migrants who moved to Russia long ago. The significant shortcomings of the survey questionnaire, combined with a very low representation of foreigners in the sample (which does not correspond to their share in the Russian population), limited the analytical potential of the information. Identification of methodological problems of the LFS concerning the collection of information on migration and the development of recommendations addressed to Rosstat became a special task of the study. The main conclusion of the article was that the potential of the LFS is not used for a comprehensive study of international migration, and the inclusion of the migration module in an unchanged form in the program of the regular LFS for 2021 and further can make the problem chronic.

Keywords: *migration, naturalization, acquisition of citizenship, integration, Labor Force Survey.*

JEL Classification: J15, O15, F22, K37.

For reference: **Litovchenko A.M., Chudinovskikh O.S.** (2022). On the impact of acquiring citizenship on some economic characteristics of migrants and their position in the labor market. *Journal of the New Economic Association*, 1 (53), 143–162. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-7